

5 ИЮН 1965

ЧТО НОВОГО У МУЗ

КУКАРЕКУ и МИЧЕК-ФЛИЧЕК

С НАЧАЛА все шло как обычно. Актеры со сцены попросили малышей показать, как собачка лает и петушок кукарекает. Малыши с правильной радостью показали. Мы, взрослые, рассеянные кое-где по залу, слушали и благосклонно улыбались. Но вдруг со сцены предложили полаять и покуракаться нам, взрослым дядям и тетям. Мы поженились и помолчали. Со сцены нам сделали замечание за неорганизованность, и малыши начали хихикать. Но что нам было делать? Мы давно разучились играть бесхитростно, даже в театре, где для нас играют другие.

Но раз уж мы попали на спектакль для дошкольников, то положение обязывало. Воспитательница, сидевшая впереди, робко закукарекала, а журналист, сидевший рядом, басовито залалял. После этого мы стали смотреть на сцену напряженнее и внимательнее: главный режиссер Московского кукольного театра Борис Аблынин (он же постановщик спектакля) оказался человеком хитрым и находчивым, от него можно было ожидать еще какого-нибудь подвоха. Но никаких опасных неожиданностей не произошло. А новая неожиданность оказалась приятной: актеры начали мастерить кукол прямо на глазах у зрителей. «Правильно это, ребята?» — спрашивали со сцены,

придавав кошке пушистый лисий хвост. Зал дружно протестовал, и хвост возвращался по принадлежности. Поскольку малышам с самого начала предложили тоже играть в спектакле, то постановщики не делали секрета из рождения кукол. А ребятам было очень интересно смотреть, как почти из ничего рождались персонажи пьесы Г. Ландау «Кукареку!».

А в другом спектакле была занята стажерская группа студии, которая существует при Московском театре кукол. Это первая самостоятельная работа группы; возможно, поэтому довольно известная сказка Яна Малика «Мичек-Фличек» поставлена не совсем «покукольному». Дед и Бабка (Ю. Аверенков и В. Жиленкова) вышли на сцену, улыбнулись ребятам и взяли плоские фанерные маски на длинных ручках. Масок у каждого было по две: в профиль и в фас. Двигаясь по сцене, актеры меняли маски с молниеносной быстротой. Никаких специальных костюмов. Все без обмана, как в настоящей игре. Это малыши сразу поняли. Пожалуй, и нам, взрослым, было на что посмотреть: фанерные маски оставались фанерными и подчеркнуты большими, на Бабке была вполне современная короткая юбочка — и все-таки это были превосходные старик и ста-

руха. И когда Большой змей (Л. Бобышев) похитил усыновленного ими Мичека-Фличека, все жалели стариков.

Мичек-Фличек, говорящий мячик красный, как помидор, казался ребятам живым: совершенно не было видно, на чем он, собственно, держится. А в воздухе он держался отлично, говорил задиристо и смешно, и когда Дед с Бабкой шли за ним мимо бедного Снеговика, притворившегося страшным Морозом, и мимо Птички-Синички, объявившей себя для солидности Синей птицей, то зрители дожидаться не могли, когда же наконец отыщется мячик.

А шли Дед и Бабка красиво, ритмично — пластикой актеры владели хорошо. Потом весь зрительный зал дул что есть силы, чтобы буря погубила Большого змея (он ведь бумажный). Змей погиб, и справедливость восторжествовала. Змеям всегда не везет. Отсюда следует...

Отсюда обязательно должно что-нибудь следовать, в спектакле для детей непременно должна быть мораль. А для нас, взрослых, мне кажется, отсюда следует вот что: когда молодость ищет и зрелый опыт ей помогает, то получаются результаты интересные не по кукольному сцену, а по сцену большому.

Ю. АЙХЕНВАЛЬД